

Рос. муз. газета. - 2006. - № 6 (июнь) - с. 7

ОТ ОТЦА К СЫНУ - ТРАДИЦИИ НЕЙГАУЗА

В рядах профессорского состава Ростовской государственной консерватории им. Рахманинова работает замечательный педагог, хранитель, нейгаузовских традиций – Игорь Семенович Бендицкий. Когда я пришла первый раз в класс этого педагога, то обратила внимание на присутствие других людей: преподаватель сидел с правой стороны от студента, а не с левой, как это обычно бывает. Я даже не подозревала, что эта традиция была еще в классе Г.Г. Нейгауза. В этом году Игорь Семенович отметил свой юбилей – 65 лет. Дата несомненно великая, но уж очень хотелось пообщаться с ним.

– *Игорь Семенович, Вы давно работаете в Ростовской консерватории, а как началась Ваша музыкальная карьера?*

– Начальное обучение я получил в г. Свердловске, в музыкальной школе-десятилетке при консерватории им. М.П. Мусоргского. Сначала меня отдали родители в класс скрипки, но уже в 4 классе я перешел на рояль. В 1954 году моим педагогом был отец – Семен Соломонович Бендицкий. Это было Саратовское музыкальное училище. А с 1959-го я стал студентом Горьковской консерватории, класс профессора Г.Хаймовского – ученика Я.Зака. В аспирантуре я обучался у ученика К.Игумнова – профессора А.Иохслеса. Он и рекомендовал мою кандидатуру в Ростовский ВУЗ, который только открылся. Так я с моей супругой, Риммой Григорьевной Скороходовой, оказался в Ростове.

– *Ваши родители были достаточно известными педагогами и пианистами. Расскажите, пожалуйста, о них.*

– Моя мама, Берта Соломоновна Маранц, и отец, Семен Соломонович Бендицкий, были учениками Г.Г. Нейгауза в конце 20-30-х годов. Тогда, когда учи-

лись такие личности, как Т.Путман, М.Мильман, Э.Гилельс, С.Рихтер, Э.Гроссман.

В классе отца существовала добрая традиция, один раз в каждые 5 лет исполнять все фортепианные концерты Чайковского и его же Фантазию соль мажор. Для меня, в частности, мощным стимулом творческого роста явились: Второй концерт Чайковского для фортепиано с оркестром, 15-я рапсодия Листа и Вторая соната Прокофьева – произведения повышенной сложности, как в техническом, так и в художественном отношении.

Класс Семена Соломоновича Бендицкого всегда состоял из крепких в профессиональном смысле учеников. В нем царила творческая атмосфера. Семен Соломонович (как и Г.Нейгауз) не был сторонником педантичной регламентации учебного процесса, жесткого расписания. Студенты приходили к своему профессору тогда, когда считали необходимым, и играли то, что считали нужным показать в данный момент. Это было органично по самой сути педагогического творчества.

В моей памяти глубокое впечатление осталось после исполнения отцом Концерта для фортепиано с оркестром Хачатуряна. Меня его интерпретация убеждает больше, нежели Л.Оборина (в записи). Помню я – тогда учащийся музыкального училища – был поражен сказочностью звучания рояля и невольно подумал: как у тех, «больших», звучит инструмент!

– *Игорь Семенович, расскажите о том, как произошла Ваша встреча с Г.Нейгаузом?*

– Генрих Густавич любил присутствие публики на уроках, что придавало занятиям концертность, праздничность, а вместе с тем, – повышало ответственность обучающихся. Я в такой атмосфе-

ре воспитывался и считал, что так и должно быть. Однажды я сам играл Г.Нейгаузу Второй концерт Чайковского. Он внимательно слушал, а после моего исполнения говорил свои замечания и давал рекомендации. Это было очень важно для меня, так как это произведение я играл еще в 18 лет. Отец проходил со мной концерт по партитуре, много увлеченно показывая за вторым роялем, поражая меня масштабностью звучания инструмента. Когда же приблизился момент выступления на сцене с оркестром, он выдвинул передо мною новую задачу – создания перспективы сквозного развития. Я далеко не сразу начал понимать, что такое перспектива развития, и тем более не сразу выработал в себе эту способность – целостного представления крупного по масштабам произведения в своей внутренней слуховой сфере. Но когда это удалось, мое исполнение обрело новое дыхание, я изнутри ощутил, как следует разворачивать музыкальный материал во времени.

– *У Вас есть два брата. Они тоже музыканты. Как сложилась их карьера?*

– Старший – Александр Семенович Бендицкий – композитор и пианист. Некоторое время он был профессором кафедры камерного ансамбля в Горьковской консерватории, много играл сольно и в дуэте со своей женой – скрипачкой Юлией Западниковой. Сейчас они живут в Германии, много выступают за рубежом.

Натан Семенович Бендицкий – младший брат – сейчас профессор Саратовской консерватории, пианист. Недавно была презентация книги о Семене Соломоновиче Бендицком, играли ученики моего отца, Натан играл лучше всех!

– *Расскажите о годах обучения в Горьковской консерватории.*

– Горьковская консерватория – это молодость! Дни, годы, месяцы, проведенные там, незабываемы! Тогда главным дирижером филармонии был И.Гусман. Он устраивал фестивали современной музыки, посвященные Шостаковичу. Приезжали знаменитые люди: Шостакович, Хачатурян, Кабалаевский. Все великие исполнители России, за исключением Мравинского, были в Горьком. Можно было послушать великих музыкантов: Гилельса, Рихтера, Ойстраха, Когана, Ростроповича, Вишневу, Оборина, Флиера, Зака. Ван Клайберн исполнял Третий концерт для фортепиано Прокофьева, Двенадцатую рапсодию Листа, «Посвящение» Шумана-Листа.

– *У Вас дома часто были такие знаменитые пианисты, как Рихтер, Гилельс, Нейгауз. Как повлияли эти встречи на Вашу профессиональную деятельность?*

– Первое впечатление на меня произвел Э.Гилельс. Во время эвакуации, в годы войны, он жил на одной лестничной площадке с нами, поэтому часто бывал у нас дома. Я до сих пор помню его руки, властно лежащие на инструменте, черный костюм и лаковые туфли, в которых отражался свет лампочки.

Л.Оборин... Я помню его концерт, после которого у нас дома был банкет. Мы жили в доме по соседству с артистами оперного театра. Я мог тогда наблюдать всех этих людей в быту. Это несомненно другое, чем на сцене, на концерте. Часто дома проходили беседы-воспоминания. Когда я становился старше, я более осознанно начал относиться к этому, перенимал их манеру исполнительства!

Неповторим был, конечно, сам Г.Нейгауз. Он играл у нас дома перед концертом. Звуки рояля в его руках производили на меня ни с чем не сравнимое впечатление.

Я до сих пор стараюсь привить эту культуру звука своим ученикам.

– *Игорь Семенович, есть ли музыкальное произведение, которое Вы с осторожностью доверяете своим лучшим студентам?*

– Да. Это Соната си минор Листа, Соната си-бемоль минор Шопена и Второй концерт Листа, его я передаю по эстафете. Его играл Нейгауз, мой отец, я, а теперь мои ученики.

– *Как Вы оцениваете состояние современного пианизма?*

– Вырос уровень виртуозности в фортепианной игре. Сейчас «модны» различные конкурсы, которых тоже немало. Это способствует быстрому творческому росту молодежи. Правда это мешает последовательным занятиям и этапному росту музыканта, так как на конкурсах часто исполняются одни и те же произведения.

– *Как Вы работаете над творческим развитием своих студентов?*

– Помимо фортепианной литературы я стараюсь познакомить их с оперной и симфонической литературой. Я часто собираю студентов своего класса у себя дома, где мы занимаемся прослушиванием опер в исполнении лучших артистов того времени.

– *Игорь Семенович, чтобы Вы пожелали начинающим пианистам?*

– Отнестись очень серьезно, внимательно к избранной профессии. Как-то известный скрипач Лев Гуревич показал мне партитуру камерного произведения Баха, которую подпisał ему профессор А.Амтон. Я прочитал там такие слова: «Дорогой Лева, только целеустремленность может подтвердить или опровергнуть истину...»

Беседу провела
Маргарита Розачева
(Ростов-на-Дону)

Бендицкий Игорь

(16.06.06)